

Максим
Замшев

Без тебя
не уснуть

москoвские
ПОЭТЫ

МОСКОВСКИЕ ПОЭТЫ

Максим Замшев

Без тебя не уснуть

«У Никитских ворот»

2014

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

Замшев М. А.

Без тебя не уснуть / М. А. Замшев — «У Никитских ворот»,
2014 — (Московские поэты)

ISBN 978-5-91366-820-2

Новая книга известного московского поэта Максима Замшева «Без тебя не уснуть» включает в себя стихи последних лет. Это гимн женщине, любви, красоте в исполнении лирического героя, внутренний мир которого пронизан ритмами современности. Интимный, приглушённый тон некоторых стихотворений соседствует со страстными поэтическими признаниями-монологами, а эмоциональная насыщенность образного ряда гармонично оттеняется импрессионистскими пейзажными описаниями. Книга будет интересна для всех поклонников русской лирики.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-91366-820-2

© Замшев М. А., 2014
© У Никитских ворот, 2014

Содержание

«Без тебя не уснуть, ты взрастила бессониц...»	5
«Ты далеко, в моих руках лишь пыль...»	6
«Паровоз потерял все составы свои, не доехав...»	7
«Неприхотливая улочка...»	8
«Разлетается мир на куски...»	9
«Осень вертлявая, первая осень солдата...»	10
«Дрожит горизонт за лесом...»	11
«Прошлогодней давности стихи –...»	12
«Сердце моё далеко от тела...»	13
«Мне кажется, что жизнь моих друзей...»	14
«Как жаль, что луны не коснуться, как раньше, руками...»	15
«Если думать, что горизонт – черта...»	16
«Из дверцы шкафа возникают...»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Адольфович Замшев

Без тебя не уснуть

«Без тебя не уснуть, ты взрастила бессониц...»

Без тебя не уснуть, ты взрастила бессониц
Чреду, чтобы глубже они проникали,
И теперь они корчатся в масках бесовских,
И следы горячо оставляют на ткани.

Без тебя не уснуть, что не вспомнишь – всё осень,
Что вернулась на плац и терзает мальчишек,
Без тебя не уснуть – нет ответа в вопросе,
Пифагор всё выводит какие-то числа,

Будто в числах действительно нечто такое,
Что вернее, чем танец крутящейся пыли.
Без пяти на часах – это время покоя,
Без пяти минут жизнь – жаль, вот стрелки застыли.

Без тебя не уснуть, с этим трудно бороться,
Мы в хрустальной стране, где живут напрямик,
И красавец легко превратится в уродца,
И заплачет оставленный в зале двойник.

Начищай сапоги, гуталин растворяя
В пифагоровом сне, что добрался до нас.
Эта правда одна, эта правда такая,
Без тебя не сомкнуть переполненных глаз.

Без тебя не уснуть – не дарована милость,
До небес поднимается красная ртуть.
Понимаешь, земля никогда не крутилась,
Только глобус... и тот, если сильно толкнуть.

«Ты далеко, в моих руках лишь пыль...»

Ты далеко, в моих руках лишь пыль
И прах любви. На ветер всё швырну я...
Пусть тот волшебник, что тебя слепил,
Шепнёт стихам, чтоб запах твой вернули.
Когда-нибудь всё станет молоком –
И горы, и леса, и соль морская,
И в этот миг ты вспомнишь ли о том,
Что жизнь была обещана другая?
Но обещанья выдержать нет сил,
И смерть уходит под руки с другими.
Пусть тот волшебник, что тебя слепил,
Из глаз твоих моё достанет имя.
Пройдя сквозь твой огонь, я стал ничей,
И пустоту опять сжимают руки.
А нежность вытекает, как ручей,
Чтоб стать рекой и высохнуть от скуки.

«Паровоз потерял все составы свои, не доехав...»

Паровоз потерял все составы свои, не доехав,
И не может найти все суставы свои человек.
Не расслышать слова, но уже отзывается эхо
На молчанье любви, что потратила даром свой век.

Шутовские усы подрисованы пробкою жжёной,
А безусых юнцов не война ожидает – тоска.
Допивай свой абсент, избавляйся вконец от пижонства
И ступай по мостам, не заметив, как плачет река.

Первородство моё превратилось с годами в сиротство,
И чем чаще дожди, тем сильнее придётся дрожать.
Поезда – это символ того, что не стоит бороться,
Всё равно все уедут куда-нибудь – не удержать!

Всё равно все уедут куда-то. Прощаний заёмных
С каждым днём истончается кем-то отмеренный срок.
Потеряешь себя, ничего не найдёшь, кроме тёмных
Уходящих на север забрызганных грязью дорог.

И деревья вдоль этих дорог будут гнуться и гнуться,
И во рту пересохшем растает небесная соль.
Как болит оттого, что назад невозможно вернуться,
Но бесплотная тень никогда не почувствует боль.

«Неприхотливая улочка...»

Неприхотливая улочка,
Сумрак знакомых кафе.
В небе – вчерашняя булочка,
Бармен всегда подшофе.

Стёкла неровные в трещинах,
Память выходит из рук,
Надо бы с жизнью порезче мне,
Надо бы, да недосуг.

В воздухе утлая лодочка,
Бога на ней не гневи!
Кофе, наверно, холодный уж?
Не холоднее любви.

Не холоднее, чем проблески
Разума у дураков,
Не холоднее, чем облики
Девушек прошлых веков.

Улочка пахнет конфетами,
Ландышем пахнет, халвой,
Улочка между проспектами,
Между тобою и мной.

Дни начинались здесь праздные
И утекли, как вода.
Жаль, что ходили мы в разное
Время туда и сюда.

Жаль, что ты выбрала лучшее,
Не расспросив про меня,
Жаль, что надежды тягучие
Я на слова променял.

Нечего больше рассказывать,
Выбилась память из сил.
Кофе придётся заказывать...
Этот давно уж остыл.

«Разлетается мир на куски...»

Разлетается мир на куски.
В поездах отыщи мою нежность
И добавь в неё каплю тоски. –
Размешай эту каплю прилежно,
Пригуби – и пребудешь пьяна,
По твоим разгуляюсь я венам,
И судьба пошатнётся, полна
Этой красной горячей вселенной.
На губах не улыбка горит,
Это кровь обновилась до боли.
Слышишь, как начинается ритм
Двух сердец, что мечтают о воле?
И, куда бы ни шли поезда,
Самолёты куда б ни летели,
Я в тебе остаюсь навсегда,
Навсегда остаюсь, в самом деле,
Даже если забудешь меня,
Если имя запрячешь поглубже,
Я сожмусь до такого огня,
Что никто тебе будет не нужен.
Разлетается мир на куски,
И любовь не пройти стороною.
Наши тени взлетают, легки,
И становятся тенью одною.

«Осень вертлявая, первая осень солдата...»

Осень вертлявая, первая осень солдата,
Словно кокотка с которой привык ночевать.
Нет у неё ни подруги, ни свата, ни брата,
И ни о ком не горюет, о ком горевать?

Мысли крепки, нелюдимы... и вшиты погоны
В громкие судьбы мальчишек свирепой рукой.
Тучи по небу ползут, как пустые вагоны,
Им не расскажет никто, как вернуться домой.

Невозвращенье... Оно постоянной вращенья,
В памяти, что в лабиринте античном, темно.
Точка, с которой ушёл, заслужила прощенья,
Не заслужила забвенья, но не суждено.

Осень как осень – коварная, лживая, злая,
С рябью холодной, со всхлипами серых утят.
Ночи спокойной кому-то безмолвно желая,
Наши шинели взлетают и низко летят.

С пятнами туч разминуться – простая задача,
Омут небесный в такую погоду глубок.
Осень вертлявая, первая осень солдата,
Зёрнами в землю бросает большую любовь.

К чувствам земным свысока нелегко наклониться,
Солнце едва показалось – и снова во тьму.
Твёрдая кровь на губах молодого горниста...
К этой побудке уже не успеть никому.

«Дрожит горизонт за лесом...»

Дрожит горизонт за лесом,
Торопится стать ничем.
Шампанского – хоть залейся,
Хочу им поить грачей,
Чтоб пена жила на клювах
Сознанием правоты
И чтоб возвращалось к людям
Желание высоты,
Чтоб небо, как покрывало,
Под утро сорвать я мог,
Чтоб ты в мою жизнь впадала,
Как самый большой приток.
Шампанское – весть благая,
Которую знают все.
Хочу, чтобы ты, нагая,
Пошла за мной по росе,
А после со мной летала
С улыбкой от облаков,
К другим облакам, где мало
Народу, но тьма веков.
Из тёмной вселенной этой
Нащупывал Бог слова.
Ты песни моей неспетой
Не помнишь, и ты права.
Напрягся бокал всей осью,
Коснёшься – и сразу в крик.
А грач, что забыл про осень,
Отчаялся и охрип.
Истлели в руках фиалки,
Закатам – пора шалеть.
Враги – не страшны и жалки,
Друзей же нельзя жалеть.
Ты раны мои залечишь,
Сойдя навсегда с пути.
Шампанского хоть залейся!
Не слушай меня, лети!
Бокалы сомкнём, отметим,
Что кровь с виноградом врозь.
И ты между тем и этим –
Огромная в сердце гроздь.

«Прошлогодней давности стихи –...»

Прошлогодней давности стихи –
Как на удивление тихи.
Женщины, с которыми расстался,
Как в жару мороженое, тают.
Их любовь другие сохраняют.
У злодея наготове яд.

Не театр мир, а закулисы,
Хитрость и коварство – это к лисам,
Глупость и упрямство – это волчье.
Занавес давно разорван в клочья,
Зрители исчезли кто куда.
Ничего в бокалах, кроме льда.

Будто новогодние шары,
Рифмы удивительно стары.

У злодея на столе сирени,
У героя новые мигрени,
Волк не знает, для чего овца.
Всех томит отсутствие конца.

Бесконечность пострашнее смерти,
Память – это древний тёмный знак.
Боги не поймут, как мы посмели
Их отправить в поднебесный мрак.

Время рассчитать совсем не трудно,
Главное, чтоб сын вернулся блудный.

Прошлогодней давности любви
Вынесут сравнение любое.

В гримуборной зеркала осколки
Отражают ламп неровный свет.
Суется лисы. Воют волки.
Зал пустой. Билетов лишних нет.

«Сердце моё далеко от тела...»

Сердце моё далеко от тела,
Пока его вижу – я ещё жив.
Сияет верхушка огромной стелы,
В ресторанах предлагают аперитив.

В памяти переключки арестантов в изоляторе,
Перебранка листьев, человеческий вой.
Трепещет сердце моё зачатое,
Пока его слышу – я ещё живой.

Машины беснуются ночью матовой,
Невидимой руки повисает плеть.
Сердце пахнет молоком матери,
Пока его чую – меня не одолеть.

Выпит аперитив, несут закуски
Официанты без кавычек и заковык,
Я хочу говорить по-русски,
Даже если вырвут у меня язык.

Ось моя не выдержала и согнулась,
Сердце зову из последних сил.
О, если бы оно ко мне вернулось,
Я бы его обратно не отпустил.

Кто-то скажет, что ложь усердней,
Чем всё наше праведное житьё.
А я смотрю на убегающее сердце,
На безвозвратное сердце моё.

«Мне кажется, что жизнь моих друзей...»

Мне кажется, что жизнь моих друзей
Не кончилась, а закатилась в угол.
А юность возле огородных пугал
Застыла. Ей не стать уже резвей,

Не выгадать ни часа, ни минуты,
Всё началось задолго до поры,
Как рыбы, от усердия надуты,
Со дна подняли старые миры.

И соблюдая правила игры,
Мои друзья, задвинув крепко шторы,
Оставили пустые разговоры,
Чтоб вслушаться в напев земной коры.

А жизнь? Она длинна и бестолкова,
Мизантропична и не так нужна,
На огороде выросла стена –
Забвенья непреложная основа.
Ведь юность – эфемерная княжна –
Нуждается в защите от былого.

Мои друзья, таланты, ротозеи,
Пропойцы, пожиратели небес,
Вы презирали всякого лакея,
И вас не спутал, хоть и путал бес.

Зачем же вы разлуки чёрствый хлеб
По нищим разбросали слишком рьяно?
Великий город окнами ослеп,
Ничтожный раб зализывает раны.

На свет пробраться стало тяжелее,
Ветра всё одиночней и всё злее,
А камень преткновенья под ногой,
Всегда не тот, всегда совсем другой.

«Как жаль, что луны не коснуться, как раньше, руками...»

Как жаль, что луны не коснуться, как раньше, руками,
Остались вопросы, а прошлого будто и нет.
Живя на равнине, становишься ровным, что камень,
И датой рожденья мараешь обратный билет.

Гремучая смесь одиночества с мыслью о благе
Отчизны, в которой смертельна октябрьская стынь.
В промокших полях отзывается хохот бродяги,
И поезд качается с призрачной тенью впритык.

На ветках не птицы, а сгустки вчерашней обиды,
Готовится снег на себя уронить облака,
Глаза отыскиали печальные русские виды,
И этим глазам запретили моргать на века.

Пустые леса в ожидании свирепого гула,
Охотничьи ружья долги отдают тишине.
Друзьям уж пора выходить из тяжёлых загулов,
Но что-то их держит, но что-то их держит на дне.

Наверно, луна им обманы пускает вдогонку,
И пальцы до хруста, до крови сжимают бокал.
Эх взять бы её, отложить бы спокойно в сторонку...
Но бред это всё, человек и в грехах своих мал.

На карте почти не видна заповедная область,
Такой географии вряд ли окажешься рад.
А осень винить небольшая, как водится, доблесть,
Особенно если ты сам перед ней виноват.

«Если думать, что горизонт – черта...»

Если думать, что горизонт – черта,
Ему нужна параллель.
Без неё не получается ни черта,
Какая-то бесформенная канитель.

Параллельные линии, параллельные пути,
Две розы, две лилии.
Не пересечёшься, как ни крути,
Да и как крутится, коль ты линия?

Невозможность любви выражена графически,
Математическая благодать.
Но горизонт один, вот в чём фикция,
Ему даже не о ком помечтать.

Моя судьба горизонтом скошена,
Я сам себе царь и монах.
Лучше уж иллюзии крошево,
Чем её крах.

Уходя со всеми дорогой заката,
Ощущая ступнями земли испуг.
Узнаю в Лобачевском брата
И линию жизни соскребаю с рук.

Чтобы потеряться в мире параллельном,
Где никто не встречается с тем,
С кем хотелось бы в час расстрельный
Пережёвывать виноград поэм.

Видишь, надуваются пузыри
На воде ни живой, ни мёртвой.
А Рима всего лишь три,
И каждый из них четвёртый.

А когда я выгуляю всю маету,
Дайте мне кисть колонковую,
И я подведу черту,
Параллельную и незнакомую.

Откроется последний клапан,
Выпорхнет чумовая звезда,
И планета в геометрическом коллапсе
Улетит неизвестно куда.

«Из дверцы шкафа возникают...»

Из дверцы шкафа возникают
Воспоминанья о вратах
Не райских, но таких, что Каин
Не выберется... Вяжет страх,
Как терпкое вино, мне губы,
И в немоты широкий флаг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.